

Леонид Добычин

Евдокия



Часть сборника
Город Эн (сборник)



Леонид Добычин

Евдокия

«Public Domain»

Добычин Л. И.

Евдокия / Л. И. Добычин — «Public Domain»,

«Анна Ивановна, в красном капоте, сидела над обрывом в тени сосны. Собачонка Эльза, пощипывая травку, бродила около. В беловатом небе плыли ряды круглых, как капуста, облачков. За Двиной, против Анны Ивановны, была улица с одним рядом построек. Дачники покачивались в гамаках перед крылечками, завешанными парусиной с красными краями. Под откосами купались мальчишки. Корова стояла в воде передними ногами. Вправо начинался второй ряд домов, против него – задняя стена графинина парка, дальше – сквер и речка Елдыжка. За речкой стоял на горе большой белый костел, подымались на гору улицы, крестик маленькой церкви блестел в зелени. Позади местечка была еще гора, голая, поросшая одною травой, и на ней – расписная часовня...»

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Леонид Иванович Добычин

Евдокия

1

Анна Ивановна, в красном капоте, сидела над обрывом в тени сосны. Собачонка Эльза, пощипывая травку, бродила около.

В беловатом небе плыли ряды круглых, как капуста, облачков. За Двиной, против Анны Ивановны, была улица с одним рядом построек. Дачники покачивались в гамаках перед крылечками, завешанными парусиной с красными краями. Под откосами купались мальчишки. Корова стояла в воде передними ногами. Вправо начинался второй ряд домов, против него – задняя стена графинина парка, дальше – сквер и речка Елдыжка. За речкой стоял на горе большой белый костел, подымались на гору улицы, крестик маленькой церкви блестел в зелени. Позади местечка была еще гора, голая, поросшая одною травой, и на ней – расписная часовня.

– Здравствуйте, Анна Ивановна... Извините, я без корсета.

Фрау Анна Рабе стояла, в соломенной шляпе с цветами и белой кофте с синими букетиками, и, прижимая подбородок к воротнику, украшенному костяной ромашкой, приятно улыбалась. Она протягивала Анне Ивановне одну руку, а в другой что-то держала за спиной.

– Посидите, дорогая фрау Анна. Какие там корсеты – я в капоте... Откуда?

– Ходила к леснику за яйками. У меня одна кура хочет сидеть: взяла у лесничихи яйца – у ней есть хорошенькие курочки, – сказала фрау Анна, усаживаясь и ставя рядом с собой маленькую корзиночку. – Достала двадцать штук: ну, что вы скажете?

– Да, это действительно... Ну, а еще что вы сегодня делали?

– Когда пошла за яйками, видела Катерину Александровну с двумя служанками.

Анна Ивановна кивнула головой: – К обедне.

– Мадам Пффердхен на балконе пила кофе. Анна Ивановна засмеялась. Фрау Анна потупилась.

– Говорят, она его хлещет прутьями.

Фрау Анна молчала и рассматривала заткнутые у нее за поясом маргаритки. Анна Ивановна побарабанила коротенькими пальцами по черной ленте на капоте.

– А где же ваша Цodelьхен?

– Вот она, гуляет с Эльзом, – смотрите, какие это есть веселы две собачки.

Тень передвинулась, и солнце забралось к Анне Ивановне на ногу. Развеваясь, шевелились под затылком не поместившиеся в прическу волосы.

– Кто это идет купаться? Кажется, Гаврилова?

Поговорили о фокусах Гавриловой – о том, как она бросилась в колодец. – И у нас мужья умерли, – сказала Анна Ивановна, – но мы – ничего.

– Только плакали.

– Ну, это – конечно.

Помолчали. Медленно плыли плоты и скрипели веслами. – Кажется, мадам акцизничиха с мужем на огороде, – сказала фрау Анна, поднося к глазам ладонь. Анна Ивановна повела бинокль. – Она и есть. Мечется, как кошка, а он – босиком и в рубахе по щиколотку... Не едят мяса и ни с кем не знают, и воображают, что умнее всех. – Она хотела хорошенько посмеяться над акцизным и акцизничихой, но под откос начал спускаться мужчина в парусиновых штанах. – Идет учитель! Раздевается! Всегда удивляюсь, как его до сих пор не засадили: это ведь шпион. Когда была японская война, он здесь шпионил... Посмотрим, нет ли на нем сле-

дов от прутьев. Нет, что-то незаметно. Хотите посмотреть? – Она протягивала бинокль. Фрау Анна покраснела и качала головой.

2

Белобрысая двенадцатилетняя Иеретида в синем платье и черном фартуке, прискакивая, несла на плече лопату. За ней, сложив на выпяченном животе костлявые руки, шла Катерина Александровна, в черном платье с белыми полосками и шляпе с креповым хвостом. Сзади, неся под мышкой коробку с веером и зонтик, шла Дашенька – сорокалетняя, черная, грудастая и чванная. Идя по середине улицы, они спускались к берегу. Пахло цветущей липой. Лавочницы, сидя на табуретках, дремали у дверей.

Вывески с подписью «Художник Цыперович» были украшены изображением дамы с распущенными желтыми кудрями. Она гуляла в красной шубе среди снегов: – Прием заказов, – сидела за столом, и перед ней лежали хлебы и стояли чаши, как на тайной вечере: – Дешевые еврейские обеды, по пятницам бывают пироги.

Около Пфердхеншиной аптеки свернули вправо и по мостику с дощечкой «мост опасен» вышли в зеленую улицу с серыми тропинками.

– Какая яркая трава, – сказала Катерина Александровна, – как будто маленькие дети раскрасили травку в тетради для раскрашивания.

Иеретида загляделась на девчонку, которая бежала против ветра, держа над головой распяленную наволоку. Катерина Александровна внимательно смотрела на занимавшую длинный квартал булыжниковую стену графинина парка. Дашенька читала имена домовладельцев и разглядывала прибитые к воротам досочки, работы Цыперовича, с изображением пожарных принадлежностей.

– Тюленьи кожи идут на ранцы! – У учителя были открыты окна, он диктовал, расхаживая по комнате, без пиджака, с сладким лицом и с сладким голосом. Катерина Александровна отвернулась и старалась не думать о Пфердхенше, хлестанье прутьями и шпионстве: она считала себя женщиной возвышенного направления, которая не может интересоваться сплетнями.

Кончились дома полевую руку, Двина, незаслоненная, заблестела. Дачники покачивались в гамаках. Катерина Александровна окликнула Иеретиду, взяла у Дашеньки веер, чтобы отгонять комаров, и, повернувшись спиной к реке, они свернули вправо и по лесной дорожке пошли на кладбище.

Около могил развели два маленьких костра от комаров. Катерина Александровна села на скамейку, посидела, посмотрела на памятник с портретом старичка в медалях и эполетах, встала, покрестилась, костры засыпали.

Возвращались по другой дороге. За полем, в загородке из шиповника, стояло облезлое распятие и начиналась графинина булыжниковая стена. Проходя мимо растворенных ворот, Катерина Александровна повернула голову и смотрела на двор с круглой клумбой и белый фасад с закрытыми окнами: никого не увидела.

У калитки сквера она отпустила Дашеньку и Иеретиду и пошла под цветущими липами. Все дорожки приводили на площадку с фонтанчиком и четырьмя скамейками. Сбоку, в полосатой будке – белой с красным – сидела желтоволосая, с пористым носом и щеками, Роза Кляцкина; вокруг нее были расставлены бутылки с квасом. Цыперович, скрестив руки на груди, стоял снаружи и, принимая позы, заглядывал в Розины глаза.

Фрау Анна Рабе, в кисейном платье на синем чехле, с белым зонтиком и маленьким букетиком, вышла на площадку из другой аллеи. Катерина Александровна, обмахиваясь веером и расправляя креп, уселась с ней на ту скамейку, с которой не видно было Розы и Цыперовича. Цодельхен свернулась у кисейного подола. От лип сладко пахло. Темная зелень, закрывавшая солнце, казалась прозрачной.

– Посмотрите, дорогая Анна Францевна, – сказала Катерина Александровна. – Мы сидим как будто в зеленом флакончике, и сквозь него проникает свет.

Фрау Анна подумала, приятно улыбнулась и закивала головой. – Ах, это есть очень красиво.

Они помолчали, откинувшись на спинку скамейки. Катерина Александровна думала об одной даме, которая на ее фразу поднесла бы элегантный и изысканный ответ...

Ксендз Балюль, с прыщеватым лицом, пробежал, согнувшись и бросая исподлобья шмыгающие взгляды. – Наверное, из палаццо,¹ – сказала фрау Анна. Катерина Александровна моргнула. – Да, ведь графиня Анна, кажется, приехала?

– Приехала. Это есть очень неудобно: я покупала у ейного садовника салат, а теперь он не продает.

– Скажите, дорогая Анна Францевна, вы с ней знакомы?

– Когда мой Карльхен был жив, он в палаццо лечил – тогда я тоже была с ними знакома. Но когда они мне фанатисмус показали, тогда я с ними больше не знакома.

– Что, вы говорите, они вам показали?

– Фанатисмус. – Она стала рассказывать, как Карльхен умирал и граф Бонавентура пришел с ксендзом: пусть Карльхен возьмет католицизмус. – Нет, нет! – Он говорил, что хочет перед смертью католицизмус принимать. Теперь он болен есть и не имеет память. Мы должны евонных первых слов выполнять. – Ксендз открыл сумку, фрау Анна распахнула форточку и закричала. – Это был целый шкандал, и мы с графином Анном не есть теперь очень приятные.

¹ Дворец, особняк (ит.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.